

В.Н. Давыдов

ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА, ЖИВОТНЫХ И ЛАНДШАФТА НА СЕВЕРНОМ БАЙКАЛЕ, В ЗАБАЙКАЛЬЕ И ЮЖНОЙ ЯКУТИИ

В статье на примере полевых материалов, собранных автором у эвенков-оленьеводов Восточной Сибири, анализируются отношения человека, животных и ландшафта. Они рассматриваются как социальные отношения, сложившиеся в контексте определенных мест. В данной работе представлено исследование роли архитектуры и ландшафта в отношениях человека и оленя.

Ключевые слова: социальные отношения, отношения человека, животных и ландшафта, эвенки, оленеводство, культурный ландшафт

HUMAN-ANIMAL RELATIONS IN THE HISTORIC-CULTURAL LANDSCAPE OF NORTHERN BAIKAL, ZABAIKAL AND SOUTHERN YAKUTIA

This article employs the examples from the author's extensive fieldwork in Eastern Siberia to analyse human-animal-landscape relations. These relationships are seen as social relations established in the context of particular places. This paper investigates the role of architecture and landscape in the relations of humans and reindeer.

Keywords: social relations, human-animal-landscape relations, Evenkis, reindeer herding, cultural landscape

Введение

Данная статья построена на материалах полевых исследований, проводившихся автором на Северном Байкале, в Забайкалье и Южной Якутии с 2007 по 2016 гг.¹ Суммарное время экспедиционных работ в данном регионе составило около 17 месяцев. Работы велись как в национальных поселках, так и в тайге на оленеводческих стоянках. Целью исследования было изучение отношений человека и животного в контексте определенных мест, а также изучение роли, которую играют постройки в отношениях человека, животного и ландшафта. Также фокус исследования был направлен на рассмотрение того, как люди, совмещая с мобильной и стационарной архитектурой, используют определенные ландшафты в процессе доместикации северного оленя и как организуют защиту стада от хищников и диких оленей. Особенное внимание уделялось тому, как местные жители проводят различия между «дикими» и «домашними» оленями и с помощью каких способов вырабатывают у животных навык постоянного возвращения к людям.

В последние годы российские и зарубежные исследователи стали уделять больше внимания проблеме одомашнивания и изучению отношений человека и животных в динамике [Istomin, Dwyer 2010; Stépanoff 2012; Fossier and Marchina 2014; Stépanoff et al. 2017]. Основными тематическими направлениями данной области исследований являются проблема взаимоотношений различных социальных агентов, роль архитектуры и ландшафта в процессе доместикации, одновременная доместикация различных видов (со-доместикация), проблема границы между «диким» и «домашним», а также лингвистические аспекты доместикации. Кроме того, важным аспектом исследований является сравнение различных

¹ Полевая работа в 2007–2008 гг. осуществлялась при поддержке Байкальского Археологического Проекта (БАП), в 2009 г. — при поддержке РГНФ (№ 09-03-00225а), в 2012–2015 гг. — при поддержке проекта Arctic Domus (ERC Advanced Grant 295458), в 2016 г. — при поддержке National Geographic (project “Culturally modified rocks and woods in East Siberia: Perception and use of rock art, carvings and decorations among Orochen-Evenki reindeer herders and hunters”).

видов информации о животном мире и окружающей среде: знания, производимого учеными-профессионалами, и локального знания.

Исследования отношений человека, животных и ландшафта в классических работах по этнографии народов Сибири

В этнографии достаточно детально описан быт, одежда, материальная культура эвенков-оленеводов, рассматривались социальные отношения между различными группами, практики обмена и родство [Василевич 1969]. В то же время мало внимания уделялось социальным аспектам отношений оленеводов с животными и окружающим ландшафтом.

Самые первые наблюдения отношений коренных жителей Сибири с животными и окружающим ландшафтом содержатся в материалах исследователей и путешественников XVIII — начала XX в. Многие из них содержат детальные описания быта оленеводов. Проблема domestikации северного оленя затрагивалась в работах А.Ф. Миддендорфа, В.Г. Богораз, С.М. Широкогорова, которые были построены на обширных полевых материалах.

Например, в книге «Путешествие на Север и Восток Сибири» А.Ф. Миддендорф подробно останавливается на способах собирания домашнего оленя, описывает технологии domestikации, обеспечивающие возврат животных в одну и ту же точку, что позволяет оленеводам легче контролировать перемещения стада. Во многих местах исследователь ссылается на конкретных информантов из числа коренных народов Сибири, от которых он получил информацию. Он расспрашивал их о таежных тропах, о промысловых животных, об охоте и оленеводстве. В отдельном дополнении в разделе, посвященном фауне, описываются верховые и упряжные животные кочевников Сибири. Также была рассмотрена упряжь северного оленя. А.Ф. Миддендорф приводит уникальные локальные знания охотников и оленеводов Сибири по этноэтологии [Миддендорф 1878].

Значительный вклад в исследование проблемы отношений человека и оленя был сделан в начале XX в. В.Г. Богоразом [Богораз 1991]. Он рассматривал практики, направленные на приручение

олений, описывал представления чукчей о «диких» и «домашних» животных, а также формы функционального использования оленей в хозяйстве в зависимости от интенсивности их приручения. Ученый также рассмотрел критерии, которыми оленеводы пользовались при выборе пастбищ. В своих работах он детально описал отел, разделение стада, затронул экологические аспекты использования зимних и летних пастбищ, описал процесс обучения оленя езде в упряжке, уделил внимание проблеме защиты стада от хищников — россомах, медведей и волков. Материалы В.Г. Богораз показывают, что domestикация — это не раз и навсегда зафиксированный в прошлом результат, а процесс, который зависит от способов взаимодействия человека с животными (см. [Давыдова, Давыдов 2015]).

Проблемы отношений человека и оленя касался в своих трудах С.М. Широкогоров [Shirokogoroff 1929: 28–38]. Очень важным замечанием является то, что, по мнению Широкогорова, «олень Забайкалья и Маньчжурии является domestцированным (domesticated) животным, но не прирученным (tamed) [Там же: 37]». Широкогоров останавливается на описании различий между domestцированными оленями в зависимости от региона [Там же: 36]. Он пишет, что тунгусы очень «по-доброму» относились к своим оленям: они не применяли насилие в виде кнута или специальных палок, а использовали вместо этого специальные команды [Там же: 35]. Сам олень, по мнению Широкогорова, является «животным с очень мягкой и доброй натурой», он привыкает к людям, особенно к тем, «кто пользуется им доброжелательно, разговаривает с ним, заботится о нем, и в целом обращает на него внимание» [Там же: 30].

Особого внимания в перечисленных выше исследованиях заслуживает взгляд на одомашнивание оленя как на процесс. Выводы ученых базируются на анализе локальных знаний о животных и их поведении. Представленные в их работах материалы показывают, что не существует универсальной модели domestикации, а категории «дикого» и «домашнего» являются относительными. В этом контексте можно говорить о степени одомашнивания, которая зависит от способов взаимодействия человека и животного.

Отношения человека, животных и ландшафта: новые грани социального

Отношение с оленем для оленевода — это не столько результат технологий доместикации, сколько непрекращающийся процесс социального взаимодействия, где человек постоянно рефлексировывает состояние животных и изменения, происходящие в окружающей среде. Данный вид социальных отношений необходимо анализировать в контексте повседневных практик. Оленеводство часто рассматривалось в этнографической литературе как отдельная отрасль. В то же время оно было связано со всеми другими сферами деятельности — охотой, рыболовством, собирательством. Оно играло важную роль в практиках обмена и мобильности.

В российской этнографии одомашнивание рассматривалось как свершившийся факт, который имел место в далеком прошлом. Ученых интересовала точная датировка приручения животных, однако мало кто обращал внимание на то, что одомашнивание являлось длительным процессом, который не является чем-то завершенным, а происходит также в данный момент в контексте продолжительного взаимодействия человека и животных. Многие исследователи воспроизвели парадигму человеческого доминирования, где животные рассматривались не как «личности» и «партнеры» [Vitebsky 2005], а как объекты и «инструменты» [Кишкинцев 1929: 17].

В то же время оленеводы хорошо знают особенности характера и привычки животных и воспринимают их как личностей, способных мыслить и взаимодействовать с человеком. Оленеводы считают животных «чувствительными существами, которые способны слышать, рассуждать и реагировать на мысли человека» [Anderson 2004: 15]. У каждого оленя есть своя биография — история жизни, наполненная событиями и характеристиками, которые помнят оленеводы. Таким образом, биография — это не только прерогатива людей и материальных объектов [Коруттофф 1986], она есть и у животных.

Люди и животные совместно осваивают окружающий ландшафт, живут рядом друг с другом. Северобайкальские эвенки, например, обозначают место временного обитания как людей, так и животных одним словом — *бикит* (эвенк.), что дословно перево-

дится как «место, в котором я сейчас нахожусь» (см. [Brandišauskas 2012; Anderson 2013: 271]).

Оленеводы и их животные оказались вовлеченными в реализацию советских проектов, помогали перевозить грузы в отдаленные участки в тайге [Vitebsky 2005: 225]. Реализация данных проектов была возможна именно благодаря особым отношениям, которые сложились между человеком и оленем. Эти отношения включали эмоциональный компонент, знание ландшафта и психологии животных. Человек был чувствителен к нуждам животных и умел мыслить «по-оленьи» [Головнев и др. 2015: 16–17].

Отношение человека и оленя рассматривались в научной литературе через призму стационарной архитектуры, что создавало статичный образ доместикации как уже свершившегося факта. В то же время постройки — это не просто практический инструмент для выполнения повседневных задач, а они связаны с определенной формой социальных отношений. Эти отношения всегда происходят в некотором ограниченном пространстве. Во многих классических работах по этнографии описаны различные типы построек, их история и формы, разработаны сложные системы классификации данных объектов [Василевич 1950; Туров 1990; Соколова 1998], но не проводился анализ социальных отношений, в контексте которых использовались данные объекты. Другими словами, различные постройки и небольшие приспособления обычно анализировались как самодостаточные вещи, отдельно от других построек, различных видов деятельности и окружающего ландшафта. Все эти объекты тщательно документировались, описывались, измерялись, но информация о конкретных людях, которые их использовали, равно как и животных, которые находились неподалеку, не фиксировалась. Вопрос о том, какую роль эти постройки играли в контексте отношений человека и животного, оставался за пределами внимания исследователей.

Несмотря на то что отношения человека и животного не обязательно являлись прагматически ориентированными, этнографические описания эвенков базировались на парадигме антропоцентризма, создавались с утилитарной точки зрения, где акцент ставился на различные функции определенной постройки, а также

проводились сравнения с похожими строениями в других культурных группах. Иными словами, в контексте этнографического изучения оленеводства в центре анализа оказывался материальный объект во множестве его измерений. Однако архитектура, используемая в процессе доместикации, не может изучаться отдельно от окружающего ее ландшафта. Ниже будет показано, что сама граница между конструкциями и ландшафтом является расплывчатой и нечеткой. Да и сами постройки, которые используют оленеводы, являются не чем-то застывшим; они достаточно адаптивны к текущим нуждам и возводятся с применением доступных в конкретном месте материалов.

В этнографической литературе традиционная архитектура часто представлена как что-то стабильное и воспроизводящее паттерны, унаследованные от предыдущих поколений [Соколова 1998]. В то же время постройки существуют в контексте постоянных изменений. Люди и животные воздействуют на них, постоянно изменяя их физическое состояние, форму и место расположения. Многие из этих объектов используются в контексте взаимодействия человека и животного. В этом смысле архитектура и окружающий ландшафт также участвуют в этой интеракции, меняют эти отношения, их пространственную структуру и помогают построить отношения, скорее построенные на «доверии», нежели на «доминировании» [Ingold 1994].

Архитектура отражает собой политические решения, она может служить средством манифестации политического режима. В то же время она призвана выполнять функции в построении определенных отношений между человеком и животным. В XX в. коллективизация принесла изменения в режиме доместикации оленя. Эвенки стали частью проекта перехода к оседлому образу жизни и начали активно использовать дома в поселках. При этом оленеводы и охотники должны были проводить много времени за их пределами. Оленеводы получали работу колхозах, а после в совхозах, где от оленеводства ожидали роста продуктивности. Нововведения базировались на идеологии контроля: отношения человека и животного предполагали такие операции, как подсчет, измерения, наблюдение за перемещениями и ветеринарное обслуживание.

Изменения в оленеводческом хозяйстве повлекли за собой изменения в архитектуре. Изгороди играли важную роль во время ветеринарной обработки стад и их сортировки. В советский период в регионе получили распространение корали, состоявшие из нескольких камер различного размера, которые использовались для определенных категорий оленей и для выполнения трудовых операций. Камеры позволяли сортировать быков, важенок и теллят. В советский период в регионе вводились специальные оленеводческие комплексы, включавшие дома, сараи, лабазы и бани. Советская архитектура была призвана оптимизировать условия труда оленеводов. В Южной Якутии получила распространение длинная круговая городьба общей протяженностью до нескольких десятков километров, где держали оленей во время отела весной и во время гона осенью. Для этого в некоторых местах оленеводов для рационализации строительства изгородей снабжали проволокой и гвоздями. Однако в большинстве случаев они строились оленеводами без применения дополнительных строительных материалов — изгороди возводились из стволов растущих поблизости деревьев.

Местные жители сумели инкорпорировать все эти нововведения для своих ежедневных задач. Созданная в советский период инфраструктура не сделала оленеводов оседлыми, а скорее позволила им интенсифицировать перемещения и перевозку грузов. Несмотря на то что деревни создавались как центры, призванные функционировать в рамках отдельных регионов, в советский период эвенки Бурятии, Иркутской, Амурской и Читинской областей, а также Южной Якутии сохранили трансрегиональную систему обмена. Живя в разных регионах, они оставались связанными с соседями брачными отношениями и продолжали обмениваться с ними животными.

Доместикация в движении

Доместикация оленя не может быть привязана к какой-то одной конкретной точке, это процесс, который происходит в разных местах, а также в процессе перемещений между ними.

Оленеводы никогда не остаются подолгу на одном месте. Перемещения в пространстве — необходимая составляющая оленеводства. Доместикация происходит в контексте постоянных движений, при этом оленеводы периодически возвращаются в одни и те же места [Davydov 2014]. В этих местах оленеводы активно возводят разные постройки: заборы, ворота, помосты, лабазы, навесы и жилища. Они используют также большое количество совсем небольших строений и приспособлений, которые, тем не менее, играют важную роль в процессе доместикации. Это различные колышки и столбики для привязывания животных, кормушки для соли, будки и навесы для собак, ограждения дымокуров. Места оленеводческих стоянок аккумулируют всё, что нужно для автономного существования в тайге [Safonova and Sántha 2013].

Пирс Витебски приводит в своей монографии эвенкийскую и эвенскую легенду о приручении оленя, где оно рассматривается как установление взаимовыгодных отношений и даже как социальный контракт между человеком и животным. Если же посмотреть на это партнерство с другой стороны, то олени также «приручили» человека к себе, так как людям пришлось адаптировать свои движения к движениям оленей и постоянно следовать за ними, соблюдая определенный миграционный цикл [Vitebsky 2005: 27]. Согласно Витебски, в рамках европейского дискурса, вдохновленного Книгой Бытия, в которой Бог дает Адаму власть над животными, выработалось покровительственное отношение к животным. У эвенов такое доминирование над животными отсутствует: они признаются духовно и психологически более сложными существами, а между людьми и животными существуют сложные духовные и моральные связи [Vitebsky 2005: 261].

Повторим: олень привыкает к человеку именно в процессе постоянных перемещений. По словам информанта-олeneвода из поселка Тяня в южной Якутии, домашний олень — «дикое, вольное животное, где хочет, там и ходит, не как корова», олени «везде ходят». Согласно информанту, это олени направляют движения людей: за ними нужно постоянно ходить и приводить к месту стоянки: «Где олень, туда и ты идешь» [Давыдов 2014 b: 113].

Архитектура доместикации: концентрация животных в определенных местах

Архитектура участвует в процессе «интенсификации» социальных отношений между человеком и животным. Постройки помогают концентрировать животных в определенных местах. Тем не менее не следует их рассматривать как нечто «замороженное» и существующее отдельно от ландшафта, а сама граница между постройками и ландшафтом не является четкой. Если попытаться рассмотреть повседневные практики местных жителей в динамике, то стационарные конструкции являются «встроенными» (*emplaced*) в сложную систему перемещений.

Доместикацию следует рассматривать как динамический процесс, который продолжается в настоящее время и связан с постоянными перемещениями людей, животных и материальных объектов. В процессе этих перемещений архитектура постоянно изменяется, находится в процессе переделывания и достраивания. Она существует в контексте погодных явлений (*'in the weather-world'*) [Ingold 2010], обдувается ветрами, боится огня и омывается дождями. Поэтому постройки всегда нуждаются в ремонте, восстановлении и обновлении. Если отталкиваться от идеи Т. Инголда о темпоральности ландшафта [Ingold 1993], мы увидим, что архитектура не является чем-то «замороженным», она всегда находится в состоянии достраивания, ремонта или демонтажа. Люди постоянно добавляют новые объекты в тех местах, которые интенсивно используют.

Во всех этих местах они возводят строения для ночлега, хранения вещей, приспособления для привязывания животных, ограничения и направления их движений. Люди и животные постоянно перемещаются между ними.

Архитектура представлена видимыми материальными объектами, которые связаны с воспоминаниями и знаниями местных жителей. Старые, уже едва сохранившиеся изгороди в тайге связаны с конкретными людьми, которые их строили. Существование остатков подобных построек служит важным знаком использования территории определенным сообществом. Такая память сохраняется во многих местах, например, городьба в районе озер Амудисы в Каларском районе Забайкальского края ассоциируется

с семьей Кузьминых, которая в советское время использовала местные пастбища. В долине реки Верхний Сакукан, расположенной севернее БАМа, также есть остатки старых загонов для оленей. Согласно Юрию Юрьевичу Мальчикитову, эти места раньше использовались семьей пожилых оленеводов Павловых.

Остатки старых построек позволяют увидеть, каким образом они использовались в прошлом. Причем, если места использовались достаточно интенсивно, как, например долины рядом с озерами Амудисы, сохраняются остатки загонов, принадлежащие к разным временным периодам. Время строительства обычно разделяют большие промежутки, поскольку стада часто меняли местоположение и территория какое-то время не использовалась. Это позволяло сохранить пастбища, а также сберечь стадо от хищников в случае увеличения их числа. Таким образом, многие современные стоянки оленеводов, которые мне удалось посетить в процессе полевой работы, находились в местах, которые когда-то использовались. Люди обживали эти старые места, возводя на них что-то новое.

Оленеводы постоянно модифицируют свои собственные постройки. Если оленеводческая стоянка используется в течение длительного времени, то можно наблюдать, как она постоянно изменяется, каждый год появляются новые объекты и достраиваются старые. В рамках данного креативного процесса различные конструкции постоянно создаются, модифицируются, переносятся с места на место, изменяется функциональная значимость вещей и построек. Причем каждая такая постройка существует только во взаимосвязи с другими объектами.

Архитектуру доместикации следует рассматривать как единую систему, в которую входят интенсивно используемые места и окружающий ландшафт. Данная система не является застывшей и содержит в себе возможность создания новых объектов.

Архитектура имеет определенные пространственные характеристики. Каждая постройка обладает своим собственным потенциалом позволять или же ограничивать движения. Если говорить об архитектуре в общем, постройки призваны разделять или собирать вместе людей, животных, вещи или растения.

На Северном Байкале местные жители используют специальный термин для обозначения горных долин, обрамленных с двух сторон горными хребтами, которые служат естественными границами, — «узкие места». Подобные естественные «загоны» подходят для того, чтобы держать в них оленей. Эти места позволяют оленеводам легче отслеживать перемещения стада и упрощают задачу его поиска, однако они не могут использоваться для содержания большого количества животных из-за ограниченного ресурса пастбищ.

В Южной Якутии и Северном Забайкалье оленеводы весной и осенью держат стада в круговой городьбе площадью несколько квадратных километров. Тяньские оленеводы занимаются ремонтом и строительством новой городьбы с конца апреля по конец мая во время отела, а также осенью во время гона оленей. На строительство круговой городьбы в среднем уходит полмесяца. Для этого для строительства городьбы в места отела специально приглашают временных работников из деревни.

Практика строительства подобной круговой городьбы была введена в регионе в советское время и прижилась. Использование различных построек оленеводами следует анализировать в широком социополитическом контексте. Современные эвенки адаптировали конструкции и способы их изготовления, которые распространились в советский период, и стали воспринимать их как традиционные.

Многие постройки, например круговая городьба, являлись советскими нововведениями и их внедрение создавало возможность новых способов контроля за движениями животных и базировалось на идее доминирования, но полевые материалы демонстрируют, что данные строения служат не только границей между «диким» и «одомашненным». Местные жители прагматически инкорпорировали их в свои «проекты жизни» [Blaser, Feit and McRae 2004], причем эти конструкции помогают людям выстроить с животными социальные отношения, базирующиеся на идее «доверия» и «товарищеских отношений» [Давыдов 2014а: 26–27].

Бригадир из общины «Тяня» Григорий Афанасьевич Курбалтунов подчеркнул: «Городьбу делаем, чтобы не потерять оленей.

Весной разбредаются, бродягами становятся. Сейчас сильных заморозков нет [в апреле]. А в мае заморозки. И наст. А по насту следов не видно, куда олени ушли». По снегу олени проваливаются и поэтому далеко не уходят. Но весной по насту они могут перемещаться на большие расстояния» [Давыдов 2014 b: 110].

После того как оленей загоняют в городьбу, оленеводы могут заниматься также строительством дополнительных отсеков изгороди и через некоторое время обычно ломают стенку одного из отсеков, таким образом, расширяя общую площадь огороженного участка. В конце августа — начале сентября оленей загоняют в круговую городьбу на время гона. В городьбе оленей держат до конца октября до тех пор, пока снег не станет глубоким. В течение нескольких лет оленеводы могут использовать одну и ту же городьбу, постоянно добавляя жерди вверху и занимаясь починкой разрушенных участков. Между тем они стараются долго не держать оленей в одном месте, поэтому им часто приходится строить новую изгородь [Давыдов 2014 b: 111].

Процесс строительства и использование городьбы в Каларском районе Забайкальского края несколько отличается. Там городьбу, которая перегораживала всю горную долину, строили при помощи трактора и использовали ее во все сезоны, не строя отдельной городьбы для проведения гона осенью и отела оленей весной.

При строительстве городьбы важно учитывать потребности животных в корме и воде. Если есть снег, то они едят снег и могут пить воду из луж. Например, весеннюю городьбу на берегу реки Олоннокон в Южной Якутии, где много снега весной, в период гона использовать нельзя, так как осенью огороженная территория будет сухой, поскольку там не протекают ручьи [Давыдов 2014 b: 111]. Если корм на огороженном пастбище истощается, оленеводы перекочевывают на другое место и не возвращаются на это место в следующем году.

Кроме того, на всех оленеводческих стоянках, которые мне удалось посетить в Южной Якутии и Северном Забайкалье, люди используют небольшие по площади загоны (эвенк. *курэ*), куда приходят олени или куда их специально пригоняют и держат несколько часов в день. Они служат точкой периодического возвращения

животных, где те некоторое время находятся в сконцентрированном состоянии. Загоны, ограничивая возможности перемещения, делают отношения человека и животного более интенсивными. В загоне гораздо легче поймать конкретных оленей, например отобрать обученных животных для поездки на нартах или верхом. Загоны создают узость пространства социальной интеракции. Работая внутри городьбы, оленеводы учатся понимать характер животных, замечать их особенные черты и сразу обращают внимание, если какие-то олени отбились от стада и нужно идти на их поиск. Животные, в свою очередь, привыкают видеть людей вокруг, начинают меньше их бояться, привыкая к определенным формам взаимодействия.

Ежедневный осмотр стада в загоне очень важен для выявления слабых и больных животных. В корале животное поймать несколько легче, а сама практика отлова оленей создает ситуацию физического контакта человека и животного. Когда олени ходят свободно, ситуация прямого телесного контакта оленей и людей случается реже. Таким образом, загоны являются местом интенсивных контактов человека и животного.

Загоны помогают людям концентрировать животных в определенных местах. Они используются также для временного отделения различных групп животных — рабочих оленей, быков, телят, важенок для доения, привитых и помеченных животных. Постройки как физическая граница создают возможность манипуляции «социальной структурой» животных. Ограждения позволяют сортировать их на различные группы и, наоборот, соединять. Они создают пространства для интенсивных контактов оленей друг с другом и человеком. Пребывая в загоне, животные обучаются быть в стаде. В результате подобной практики олени привыкают ходить группами, что потом упрощает их поиск.

Важная характеристика загона — уровень плотности животных, когда они находятся внутри. Работа с оленями в корале — это всегда работа в ситуации узости пространства. В этом смысле загоны выполняют ту же роль, что и «узкие места» ландшафта. Изгороди не следует рассматривать как границу между людьми и животными или между «диким» и «домашним». Скорее люди

прагматически инкорпорируют различные конструкции в свой образ жизни, где «дикое» и «домашнее» не оппозиции, а относительные категории.

Таким образом, загоны используются не для того, чтобы разделять людей и оленей, а для того, чтобы сблизить их. Несмотря на то, что палатка обычно располагается за пределами кораля, люди совершают внутри загона много трудовых операций. Он служит инструментом, сокращающим дистанцию между людьми и животными. Для сокращения дистанции также используется аркан (эвенк. *маут*).

Городьба на оленеводческих стоянках может состоять из нескольких отсеков. Например, загон на базе на р. Усу в Олекминском районе Якутии имеет две камеры (*двухкамерная городьба*) (рис. 1). Информант подчеркнул: «Это делается специально. Если не всех оленей находим — загоняем всех туда, а потом ищем и приводим оленей в открытый загон. Это делается для того, чтобы было удобнее искать оленей. Знаешь, какой потерялся». Согласно информанту, такая *разделительная городьба* делается для того, чтобы подманивать «диких» животных. В один из отсеков загоняют всех оленей, которых удалось привести «для подманивания». Потерявшиеся животные видят своих сородичей в загоне и подходят поближе. Также подобная городьба может применяться для разделения стада на несколько частей, когда оленеводы разводят оленей по разным стадам. В такой городьбе устраивается несколько ворот. Иногда олени сами возвращаются в загон, чтобы поесть соли, однако часто оленеводам приходится искать оленей, иногда по несколько часов в день, и приводить к месту стоянки [Давыдов 2014 b: 113–114].

Рис. 1. Двухкамерная городьба на базе на р. Усу. Тянский наслег, Олекминский район, Республика Якутия, весна 2013 г. Фото автора

Загоны не только преграждают дорогу животным, но и наоборот, могут направлять их движения: обычно оленеводы с разных сторон делают специальные ворота, состоящие из тонких обтесанных стволов деревьев, позволяющие запускать и выводить наружу животных, а также удобные для прохода людей. Часто бывает так, что загнать оленей в кораль достаточно сложно. Для этого возле входов в городьбу могут выстраиваться специальные ответвления городьбы, которые широко расставлены и сужаются к воротам, образуя подобие воронки, что помогает, когда люди пытаются загнать оленей внутрь. Также обычно в загонах устраивается по несколько ворот, чтобы можно было запустить оленей внутрь с любой стороны.

Процесс загона оленей в пределы городьбы требует от оленеводов скоординированных действий нескольких человек: нужно быстро открыть ворота с нужной стороны, необходимо стоять по сторонам, направляя животных в ворота, важно также следить, чтобы стадо не разбивалось на группы, которые разбегаются в разные стороны. Как только последний олень заходит в загон, нужно сразу закрыть ворота. Здесь, как и у чукотских оленеводов, важны быстрые и скоординированные действия людей, а также умение быстро бегать [Головнев и др. 2005: 74–82]. Кроме того, оленеводы используют специальные звуковые сигналы для подманивания животных. Эвенки-олeneводы обычно громко кричат «Мо-о-от, мо-о-от, мо-о-от!» или быстро и отрывисто проговаривают «Мот, мот, мот, мот, мот!» Иногда оленеводы кричат «О! О! О!». С.М. Широкогоров переводит первую команду как «Быстро! Торопись! Вперед!», вторую — «Подойди!» [Широкогоров 1929: 35]. По словам оленеводов, не менее важен тот факт, что некоторые животные нуждаются в соли больше других. Эти олени могут приводить стадо к стоянке: «2–3 оленя есть, которые слишком много соли хотят. Вот они и приходят, если близко».

Как в Южной Якутии, так и Северном Забайкалье оленеводы для подманивания животных используют специальную небольшую матерчатую или ровдужную сумочку для соли (эвенк. *турукэрук*) [Поворознюк 2011: 45], к стенкам которой пришиты олени копытца (эвенк. *чимче* — копытца, которые, по словам информанта, проваливаясь в снег, немного тормозят движение оленя), а также

Рис. 2. Турукэрук — сумочка для соли. Тянский наслег, Олекминский район, Республика Якутия, весна 2013 г. Фото автора

зубы теленка, пуговицы или гильзы патронов, которые звенят как погремушки (рис. 2). По словам оленеводов, олени привыкают к этому звуку и приходят к человеку, чтобы получить свою порцию соли. Оленеводы из общины «Тяня» жаловались, что олени «стали современными»: иногда не хотят приходить на звук *турукэрука*, а предпочитают брать соль из целлофанового пакета, подходят к человеку, услышав его шуршание [Давыдов 2014 б: 114–115].

Архитектура используется как для контроля движений, так и для концентрации животных; она позволяет увеличить количество животных в определенных местах, что постепенно изменяет ландшафт. Например, присутствие большого количества оленей на определенной территории приводит к ее заболачиванию и образованию кочек. В этом смысле ландшафт совместно изменяется людьми и животными.

Использование построек также приводит к определенному экологическому эффекту. Интенсивное использование места оленеводческой стоянки уменьшает количество деревьев вокруг, что постепенно меняет ландшафт: люди используют деревья для строи-

тельства и топлива, животные вытаптывают растительность. Например, после интенсивного использования оленеводческой стоянки на реке Номама на севере Бурятии в течение десяти лет сухие дрова стало возможно найти только на расстоянии 1–2 км от стоянки.

Архитектура доместикации не обязательно сконцентрирована в одном «узком» месте, она распределена на большой по площади территории, на которой расположен целый набор интенсивно используемых мест. Доместикация — это результат перемещений людей и животных между этими местами, а также временного нахождения в этих местах. При этом постройки, такие как, например, остов чума (эвенк. *дюкия*), собачьи будки, лабазы и изгороди, оставляют на местах, возводя похожие конструкции на месте новых стоянок.

Постройки могут отражать пол и возраст животного. Например, оленеводы Каларского района Забайкальского края строят специальные небольшие коралы для отделения телят от важенок на время доения.

Некоторые постройки стараются оградить от посещения животными. Например, оленеводы не рекомендуют пускать животных в зимовья, поскольку в момент отсутствия человека олень может зайти внутрь и не сумеет выбраться наружу. Оленеводы Северного Байкала обычно огораживают чум (*юрту*) или палатку забором, чтобы оградить от оленей (рис. 3).

Дымокуры обычно ограждают треногой из бревен (Северный Байкал) (рис. 4) или частоколом (Южная Якутия и Забайкалье) для того, чтобы защитить животных от возможных ожогов. Важно постоянно следить за дымокуром, чтобы костер не потух, а также, чтобы не было открытого огня. Топливо для дымокуров обычно берут неподалеку. Чтобы соорудить дымокур, оленеводы Северобайкальского района Бурятии сначала роют небольшую ямку, кладут в центр два сырых полена, накрывают их еловыми ветками, разжигают огонь и затем накрывают торфяной кочкой со мхом. Для большего дыма мох должен быть влажным. Если мох сухой, то костер может разгореться и обжечь стоящих рядом оленей. Летом в безветренную и сухую погоду олени постоянно возвращаются

Рис. 3. Ограждение *юрты*. Р. Номама, Северобайкальский район, Республика Бурятия. Лето 2012 г. Фото автора

Рис. 4. Ограждение дымокура. Р. Номама, Северобайкальский район, Республика Бурятия. Лето 2012 г. Фото автора

к дымокурам. Они могут находиться у дымокуров с утра до вечера, иногда делая небольшие круги в поисках травы, ягеля и листьев на кустах. Если вокруг много мошки и оводов, они быстро возвращаются. Обычно оленеводы проверяют дымокуры с периодичностью примерно раз в час, шевелят поленья и, по необходимости, подкладывают дрова и мох. Обычно раз в несколько дней оленеводы делают запас кочек со мхом, веток и дров, складывая топливо неподалеку от дымокуров.

Ландшафты оленеводства: прагматическое использование пространства

Эвенкам-олeneводам хорошо известны ландшафт и его особенности. Есть места, которые «притягивают» оленей в определенное время года. Оленеводы знают, куда олени постоянно возвращаются в летний период для того, чтобы спастись от укусов мошки: это *амнунды* (эвенк.) или, как их называют оленеводы Южной Якутии, *аяны* (эвенк.) — наледи с каменными россыпями по берегам рек, являющиеся открытыми и хорошо продуваемыми местами. Поздней весной и в начале лета оленеводы Южной Якутии выпасают животных рядом с подобными открытыми, чистыми местами и наледями в долинах рек. На некоторых *амнундах* лед может сохраняться даже до начала августа. Рядом со льдом нет мошки, поэтому в дневное время олени иногда собираются на *амнундах*: «На *амнундах* вообще нет комаров, обдувает, холодно» (рис. 5).

Снег летом сохраняется также высоко в горах. Снежники в гольцах жители эвенкийской деревни Холодная на севере Бурятии называют *иманданами*. *Имандана* происходит от эвенкийского слова *иманда*, что означает «снег». Забайкальские эвенки называют подобное место *имманакит*, что означает «снежное место». В этих местах в летний период дикие олени могут спастись от мошки и стать добычей охотников: «Летом они ходят по гольцам, по ключам, по чистым местам, где есть обдувка. А так-то они в горах ходят». Забайкальские оленеводы могут специально загонять стадо летом высоко в горы, чтобы обеспечить защиту от укусов насекомых.

Рис. 5. Олени на амнунде. Р. Номама, Северобайкальский район, Республика Бурятия. Лето 2012 г. Фото автора

Оленеводы активно используют вместо коралей природные границы: горные хребты, берега рек и озер — для того чтобы контролировать перемещения стада. Гряды камней, обрывы, наледи, завалы деревьев могут использоваться вместо изгородей или как их части. Чтобы отгородить горную долину целиком, используется специальная поперечная городьба. Оленеводы из общины «Тора» держат стадо в долине горной реки Верхний Сакукан, построив поперечную городьбу в низовьях реки (рис. 6). Таким образом, оленеводы используют как искусственные, так и естественные заграждения, сочетая архитектуру с элементами ландшафта. В этом смысле постройки и ландшафт образуют одно целое, и их не следует рассматривать отдельно друг от друга. Доместикация не может быть связана только с использованием определенных конструкций, например изгородей. Именно сочетание построек и ландшафта оказывает влияние на отношения человека и животного, сближая их.

Рис. 6. Поперечная городьба. Р. Верхний Сакукан. Каларский район, Забайкальский край. Весна 2014 г. Фото автора

Оленеводы могут использовать разные постройки в горах и на равнинных территориях. На равнинных пастбищах Южной Якутии оленеводы огораживают гораздо большие по площади территории, чем в горных районах, где можно использовать естественные границы. В лесу деревья могут использоваться вместо столбиков для привязывания животных или как опоры для лабаза.

В процессе строительства оленеводы креативно используют местные материалы и остатки старых построек. Во многих местах они адаптируют для строительства и ремонта уже существующие постройки. Например, в Южной Якутии оленеводы иногда используют старую городьбу, предварительно восстанавливая разрушенные участки.

Форма строений сильно зависит от доступности строительных материалов, а также от ландшафта. В Забайкальском крае оленеводы иногда строят изгороди с использованием металличе-

ской проволоки. В Южной Якутии оленеводы в основном строят городьбу при помощи бензопилы или топора, но материалом служат только стволы деревьев разной величины. Когда животные начинают разрушать городьбу, это служит для оленеводов сигналом о необходимости кочевать на новое место. В этом смысле животные сами указывают людям на необходимость менять место выпаса.

Выбор места стоянки также осуществляется прагматически. Прежде всего, оленеводы принимают во внимание качество пастбищ, находящихся в округе. Место стоянки должно хорошо обзреваться. Например, старая стоянка в верховьях реки Нюрундукан на Северном Байкале располагалась в месте, называемом Локоть. Это место хорошо обзревалось. Окна жилищ также могут быть специально ориентированы в те стороны, где важно отслеживать перемещения стада. Также важным фактором является наличие воды поблизости. В зимнее время воду могут получать, растапливая снег на костре. При выборе места стоянки учитывается роза ветров [Anderson et al. 2014; Давыдов 2016]. В летнее время могут специально выбирать хорошо обдуваемые места, чтобы защитить стадо от мошки и комаров. Также часто выбирают место, куда животные привыкают постоянно возвращаться, например из-за наличия наледи неподалеку. Наконец, важным критерием является удобное расположение места по отношению к другим интенсивно используемым местам.

Места выпаса также определяются сезоном. Например, бригада общины «Тяня» из Южной Якутии Григорий Афанасьевич Курбалтунов весной держит стадо на берегу реки Олоннокон, потом поздней весной и в начале лета переходит к *аянам*. В это время он выпасает оленей на берегу реки Олоннокон. Затем летом с начала июля, когда появляется мошка и нужно делать дымокуры, Григорий Афанасьевич уходит в местность Пуннунна. Во время гона оленям требуется много воды. В это время он держит оленей в богатом ягелем сосновом лесу. Осенью 2012 г., а также 2016 г. во время гона его бригада выпасала оленей в большой круговой городьбе на берегу реки Эвонокит. Причем эта городьба была в два раза больше по площади, чем весенняя.

Относительные категории «дикого» и «домашнего»

Категории «дикого» и «домашнего» не являются чем-то раз и навсегда определенным, это не статичные категории, они отражают процесс длительных социальных отношений с животным. Чтобы олень был «домашним», его нужно постоянно «одомашнивать». Самое важное при этом для оленевода — приучить оленей возвращаться в одну и ту же точку, для чего оленеводы применяют специальные техники «привязывания» оленя к месту стоянки, такие как, например, привязывание телят, разведение дымокуров, подкорм оленей солью или комбикормом и т.д. По словам эвенков-оленеводов, если того не делать, то животные могут быстро одичать.

Эвенки-оленеводы описывают «диких» (эвенк. — *баюн, сокжой*; рус. — *дикарь*) оленей как более крупных, по сравнению с домашними (эвенк. — *орон*). Признаком дикого оленя считается горбатый нос и удлиненная морда. Также «диких» отличают по цвету шерсти. По словам оленеводов, отличается и шкура: осенью у них становится толще шея и кожа, поэтому шкуру добытых осенью диких оленей трудно обрабатывать. В то же время категории «дикого» и «домашнего» могут использоваться в разных контекстах и разных значениях [Сирина 2012: 488].

Категории «дикого» и «домашнего» были проанализированы в работах В.Г. Богораза [Давыдова, Давыдов 2015]. При этом ученый интерпретировал их как относительные понятия: интенсивность «приручения» или «дикости» оленей варьируется в стадах, принадлежащих различным этническим группам, причем эти качества зависели от способов взаимодействия с животными, практикуемых в различных группах [Богораз 1991: 7]. По его наблюдениям, стада не являются однородными, существуют различные категории оленей, различающиеся по степени интенсивности взаимодействия с человеком. Например, ученый отмечал, что «тунгусские олени менее одомашнены, чем олени западносибирских племен», признавая, что у тунгусов олени более ручные, чем у чукчей и коряков [Там же]. В.Г. Богораз проанализировал такие критерии, как доение, характер использования оленя в упряжке и под седло, легкость или же трудность дрессировки, быстрота одичания

в случае отбивки животного от стада [Давыдова, Давыдов 2015]. Таким образом, в данном контексте можно говорить о степени приручения оленя, животные могут становиться более «одомашненными» или наоборот «дичать» в зависимости от различных условий.

Разделение на «дикое» и «домашнее» может определяться тем, как будет проинтерпретировано понятие «дом». По словам информантки из деревни Холодная на Северном Байкале, эвенки-оленоводы понимали под «диким» и «домашним» несколько иное, чем приезжие русские: «Важно разобраться в том, что мы понимаем под «диким». Для меня домашнее животное — это корова. Она живет рядом с домом, для нее нужно заготавливать сено. Олень — это не домашнее животное. Он перемещается там, где есть ягель». Потом она добавила: «Олень — это скорее дикое животное, только привыкло к человеку» [Давыдов 2013: 29].

Эвенки также различают оленей по степени «дикости». Часто «диким» или «диловатым» называют домашнего оленя с беспокойным характером, сложно поддающегося обучению. Таких оленей сложно ловить на аркан. В то же время слово дикий в данном контексте не обязательно связано с генетикой оленя и его происхождением от «диких» (эвенк. *баюн*). У эвенкийских оленеводов распространена практика скрещивания диких и домашних оленей. Теленка, рожденного от дикого быка и домашней важеньки, называют *баюнчукан*.

Современные эвенки-оленоводы специально скрещивают диких и домашних оленей для использования телят в качестве передовиков в нартах. Сейчас некоторые оленеводы ездят на таких животных во время гонок на «День оленевода». Подобная практика скрещивания диких и домашних оленей с целью совершенствования качеств упряжных животных существовала у чукчей. Потомство от дикого и домашнего оленей у них высоко ценилось и прослеживалось до третьего-четвертого поколения: таких телят специально готовили к упряжке — они считались хорошими бегунами [Богораз 1991: 10].

Местные оленеводы определяют *баюнчуканов* как по поведению, так и по внешним признакам. Признаками происхождения от дикого оленя считается нос с горбинкой и длинные тонкие ноги,

а также «диковатый» характер. Согласно информанту, такие телята полностью поддаются одомашниванию, но это требует особых усилий: «Он как олень же, привыкает потом. Он все равно долго привыкает, полукровка. Кровь дикая есть же. Шарахается туда-сюда» [Давыдов 2014с: 369]. Поведение баюнчикана будет зависеть от того, «какая кровь победит: от домашнего или от дикого оленя» [Там же].

Обучение оленя: domestикация как процесс

Обучение оленя достаточно трудоемкий процесс, он требует большого количества усилий и длительного времени. Обычно в этнографической литературе говорится об определенном возрасте животного, с которого начинается процесс обучения. Однако это создает не совсем верную картину. В действительности процесс обучения начинается с рождения телят. Можно говорить о процессе социализации животного, причем агентами выступают как люди, так и другие животные. Взрослые олени привыкли к человеку, не боятся его. Телята, таким образом, также привыкают не бояться человека. В северном Забайкалье телят начинают привязывать к колышкам или к специальному бревну с отверстиями (эвенк. *голобко*) (рис. 7). Как заметил информант, «Олени, которых в первый год не привязывали, потом трудно поддаются обучению. Телят привязывают к специальным бревнам с отверстиями, городьбе, а также к деревьям. Они должны привыкать к упряжке».

Голобко используется оленеводами общины «Тора» в Каларском районе Забайкальского края сразу после отела. Эвенки из общины «Тяня» из Южной Якутии используют *голобко* также для транспортировки 10–12 оленей на новое место, привязывая их позади нарт. Телят начинают привязывать к *голобко* с весны и заканчивают летом. В первой половине XX в. похожая практика существовала у оленеводов Бурятии. Сейчас вместо этого они используют отдельно стоящие деревянные колышки. По словам оленеводов, такая практика позволяет с самого раннего возраста приучать оленя к узде. Некоторые из них рекомендовали привязывать телят как можно раньше. Однако время, возраст, в котором оленеводы начинают это делать, варьируется. Например, информант из Тяни

Рис. 7. Голобок — бревна для привязывания телят. Р. Верхний Сакукан. Каларский район, Забайкальский край. Весна 2014 г. Фото автора

сообщил, что он привязывает телят начиная с лета, когда они становятся побольше и у них появляются панты, а оленеводы Забайкалья делают это сразу после рождения телят.

Летом телят держат на привязи также для того, чтобы можно было доить важенок. Иногда для доения важенок строят специальные небольшие и узкие загоны. Важенок для доения начинают привязывать с конца июня. В этот период телят держат на привязи днем, а на ночь отпускают. Традиционно доением важенок занимались женщины. Однако, поскольку во многих оленеводческих бригадах сейчас нет женщин, то сейчас этим занимаются мужчины.

Оленеводы считают, что если оленят не привязывать, то они становятся дикими, а «чем раньше их учишь, тем быстрее они привыкают к людям». На севере Бурятии к началу июля телят уже не держат на привязи, так как увеличивается количество мошки и оводов (паутов). В июле и августе привязывали только повредивших копыта или травмированных волком телят и оленей. Если животное привязывают больше чем на сутки, оленеводы также

Рис. 8. Привязывание *ченгаи*. Тянский наслег, Олекминский район, Республика Якутия, весна 2013 г. Фото автора

заготавливают для него ягель и ветки, приносят таз или ведро с водой.

Вместо колышков и *голобок* для оперативного привязывания животных (олений и собак) используются нарты. Нарты позволяют держать на привязи животное в любой необходимый момент.

Еще один способ контроля перемещений животного — использование небольшого полена, называемого *ченгаи* (эвенк. *чаангай*). Оно привязывается к шее животного и ограничивает свободу его перемещений, поскольку во время ходьбы ударяет по ногам (рис. 8). *Ченгаи* обычно используются для того, чтобы «заякорить» рабочих ездовых оленей на время стоянки, чтобы они не уходили далеко. Они сокращают амплитуду движений оленя, мешают его перемещению. В то же время использование *ченгаи* позволяет оленю передвигаться на небольшие расстояния в поисках пищи, что невозможно, если оленя привязали к нартам или дереву. Эвенки-оленоводы мастерят *ченгаи* прямо на месте и не перевозят эти небольшие поленья на новое место, а используют их, если снова оста-

навливаются в том же самом месте. На местах основных стоянок *ченгаи* иногда используют перед поездками на базы и в соседние бригады, но в большинстве случаев оленей отлавливают за некоторое время до поездки и привязывают к изгороди или деревьям [Давыдов 2014 b: 104].

На месте остановки на ночлег оленеводы первым делом загоняют оленей в городьбу или привязывают к деревьям, а затем вешают на некоторых из них *ченгаи* и отпускают кормиться, ставят палатку и разжигают печь. На оленей с «диким» характером обычно вешают большие *ченгаи*, со «смирным» — поменьше. Причем *ченгаи* привязывают не всем, а только части оленей, в основном тем, которые имеют «дикий» характер, которые плохо ловятся и любят далеко уходить.

Оленеводы постоянно рефлексировали поведение всех окружающих их животных. Доместикация — это процесс, который параллельно вовлекает различных животных и, по сути, является совместной доместикацией. Этот процесс подразумевает взаимодействие различных животных с постройками и предметами, причем одни и те же вещи могут использоваться для разных животных. Например, и оленей, и собак привязывают к деревьям, *ченгаи* могут применяться для того, чтобы сделать собаку более смирной. Таким образом, один и тот же предмет может использоваться в отношениях с разными животными.

В Забайкалье оленеводы стараются держать собак на привязи, поскольку они могут нападать на оленей. Собак не используют для сбора стада, но активно с ними охотятся. Корали, расположенные рядом с местами стоянок, также служат для разделения оленей и собак. Оленеводы запрещают собакам самостоятельно заходить в кораль, причем их приучают этого не делать с самого раннего возраста, иначе они будут представлять опасность для телят. Если собака хорошо обучена, будучи непривязанной, она не кусает оленей и не ворует оставленные без присмотра продукты.

Таким образом, одна из важнейших стратегий доместикации животного — временное ограничение свободы его перемещений посредством привязывания к стационарным постройкам, деревьям, приспособлениям. Похожая стратегия применяется не толь-

ко по отношению к оленю, но и к собаке. Привязывать оленя могут как к мобильным, так и стационарным объектам: колышки, нарты, заборы, поленья и деревья.

Привязывание оленя является важной частью процесса его обучения. Привязывать оленя могут независимо от его возраста. Иногда животное держат на привязи несколько дней, если у него беспокойный характер и он не слушается человека. Согласно Георгию Аркадьевичу Лекареву, это позволяет сделать оленя спокойным.

Важную роль в процессе обучения оленя играет архитектура. Например, верховых оленей часто обучают внутри кораля (рис. 9). Для своих повседневных задач люди используют разные типы обученных оленей: грузовой, верховой, передовик для езды на нартах. Для выполнения этих задач подбираются животные, отличающиеся особым характером, поведением и внешним видом. Применяют специальные методики обучения, которые направлены на то,

Рис. 9. Обучение верхового оленя. Тянский наслег, Олекминский район, Республика Якутия, весна 2013 г. Фото автора

чтобы олень не боялся человека. Обучение оленя — долгий процесс, который происходит на протяжении всей жизни животного.

Люди и олени периодически возвращаются в одни и те же места, но, чтобы это происходило со стадом постоянно, необходимо приложить немало усилий. Люди используют специальные методики, чтобы приучить животное возвращаться к месту стоянки. Для того чтобы олени возвращались, люди подкармливают их солью, устраивают дымокуры в летнее время, привязывают животных к кольшкам, деревьям, заборам. Все это требует таких небольших построек и приспособлений, как кормушки для соли, треноги и ограждения дымокуров, столбики для привязывания животных, небольшие ограждения.

Оленеводство как аналитическая сфера деятельности

Оленеводство — это занятие, которое требует от человека постоянной рефлексии всего, что происходит вокруг. Важно замечать изменения погоды, направления перемещения домашних животных и хищников, оценивать возможность использования территории в качестве пастбищ, находить место для стоянки с учетом потребностей животных. Оленевод должен постоянно стратегически обдумывать свои действия и делать выбор из нескольких альтернатив, прогнозировать поведение стада, замечать отсутствие конкретных животных в стаде. А.Ф. Миддендорф был одним из первых исследователей, кто сравнил мобильность коренных жителей Сибири с ходами в шахматах [Миддендорф 1878: 705]. Анализируя перемещения самоедов и тунгусов, он пишет, что кочевая жизнь первых ограничивается «одним шахматным ходом: на лето к северу, а на долгую зиму опять назад к пределу криворослого леса» [Там же]. При этом он замечает, что жизнь тунгусов складывается совершенно иначе [Там же].

Оленеводам очень важно отслеживать направление, в котором ушло стадо. Если оно упущено, то можно проходить в поисках оленей несколько дней. По моим наблюдениям, у оленеводов Олекминского района Якутии весной в среднем поход за оленями занимал от одного до трех часов. Они прекрасно ориентировались

в следах на снегу, подмечая свежие. Однако летом и весной, когда тает снег, определить направление движения оленей становится сложнее. Оленеводы с помощью разных средств отслеживают направления движений животных. Это и следы, и наблюдение в бинокль. Бинокль — это важнейшее техническое средство, которое вошло в обиход оленеводов и позволяет им проводить мониторинг движений стада [Головнев и др. 2015: 84–87]. Линзы позволяют значительно сократить расстояние и упрощают поиск животных.

Во время полевых исследований среди оленеводов на Северном Байкале и Забайкалье с 2007 по 2016 гг. мне часто приходилось наблюдать игру в шахматы. Играли в основном в свободное от работы время, во время небольших перерывов, часто после того, как пили чай или обедали. К шахматной игре располагают паузы в работе между перекочевками оленьих стад и ежедневными перемещениями. Оленеводы часто изготавливают шахматы из подручных материалов: основные фигуры вырезают из дерева, красят в разные цвета, а вместо пешек используют шашки или пробки от бутылок разного цвета. В перекочевках и ежедневных переходах шахматы легко взять с собой, поскольку фигурки обычно можно сложить прямо в доску. Современные эвенки-олeneводы Забайкалья играют в шахматы во время небольших перерывов между ежедневными интенсивными перемещениями. Работая с оленеводами, я обратил внимание на то, что информанты были хорошо знакомы с правилами игры, у каждого игрока была выработана определенная стратегия, большинство из них являлись сильными противниками, среди игроков были свои «чемпионы» [Давыдов 2015].

Оленеводов в шахматах привлекает именно стратегия. Она имеет много сходств с повседневными практиками оленеводов. Им важно подмечать малейшие изменения в окружающей среде, погоде, следить за направлением и силой ветра и запоминать направление, куда ушли олени, а также определять потенциально опасные места, где на стадо могут напасть хищники. Оленеводы не только следят за их перемещениями, но и предпринимают конкретные действия, например окружают лагерь ловушками. Среди эвенков и ороchon Китая получили распространение «оленные шахматы», где в качестве фигурок выступают олени и собаки (рис. 10).

Рис. 10. Оленные шахматы. Хух-Хого, Китай, 2015. Фото автора

Шахматы — это игра, организованная в определенном пространстве и не ограничивающаяся одним возможным ходом. Нужно постоянно обдумывать свои ходы различными фигурами, обладающими различным спектром действия, и постоянно пытаться предугадать действия противника.

Занятие оленеводством предполагает постоянное, продуманное и хорошо скоординированное перемещение членов бригады. Ежедневные передвижения оленеводов — это результат согласованности между представителями коллектива, это действия, базирующиеся на взаимной договоренности. В шахматах также важно координировать действия и возможности каждой из фигур.

Иногда в оленеводстве и охоте во взаимодействии с различными социальными агентами (люди, ландшафт, хищники, духи) важно проявить характер и напористость, использовать стратегическое действие, направленное на опережение, или, как говорил один из информантов из села Холодное в Бурятии, «ходить конем» [Давыдов 2015: 243].

Речную долину, где забайкальские эвенки выпасают оленей, можно сравнить с шахматной доской. Здесь важно постоянно следить за перемещениями оленей. В оленеводстве также важно обхитрить, переиграть хищников. Большую опасность для стада представляют волки и медведи.

Представление об удаче (*фарте*) является общим для шахмат и охоты, а сама идея об успехе в игре в шахматы очень схожа с представлением об охотничьей удаче [Давыдов 2015: 243]. В процессе охоты человеку важно проявить свое умение добыть зверя, «перехитрить его». Это своеобразная «игра» с диким животным. Таким образом, охотничья удача связана не просто с взаимодействием с окружающей средой, способной вознаградить охотника за его старания, обеспечивающей охотников и собирателей ресурсами для пропитания или, как предлагает в своей известной статье Нурит Берд-Дэвид, «дающей средой» (*giving environment*) [Bird-David 1990], но и с проявлением смекалки, навыков. Охотник выступает как актер во взаимодействии с «личностями нечеловеческой природы» [Ingold 1994: 14]. Это активный субъект, который с помощью своих действий способен добыть зверя [Brandišauskas 2009; Намайон 2012]. Именно от его действий и их последовательности зависит результат охоты. Похожая логика содержится и в игре в шахматы. Исход игры зависит от последовательности ходов. Однако как в охоте, так и в шахматах важна не только логика, но и психологическое противостояние социальных агентов [Давыдов 2015: 243]. Победа в шахматы является у эвенков-оленоводов своеобразным «символическим капиталом» и связана с идеей престижа [Бурдые 1993].

Для того чтобы понять, в каком направлении идут животные, даже не выходя из палатки, на помощь оленеводам приходит колокольчик (ботало). Часто его изготавливают самостоятельно. Бригадир Григорий Афанасьевич Курбалтунов умеет делать ботало из старой металлической кружки. Язычком такого самодельного ботала служит изогнутая плоскогубцами ручка от кружки, подвешенная на веревке изнутри. Поскольку ботала имеют разный звук, оленеводы могут таким образом отслеживать движения конкретных оленей. Помогает звук колокольчиков определять направления движения в темноте. Кроме того, звук колокольчика часто будит оленеводов утром, когда олени возвращаются к стоянке.

Часто стоянки располагаются в таких местах, откуда хорошо наблюдать за движением оленей вокруг. Наблюдение за перемещениями стада позволяет прогнозировать с большой степенью

вероятности местонахождение оленей и позволяет легче их найти и привести к месту стоянки. Строительство новой изгороди оленеводами — это не итог слепого следования традиции, а результат рефлексии поведения животных и оценки условий окружающей среды.

Локальные интерпретации игры в шахматы встроены в систему социальных отношений, где выигрыш является элементом престижа, а представление об удачной игре имеет много общего с представлениями об охотничьей удаче. Шахматы, таким образом, являются не просто увлекательной игрой, которая популярна у оленеводов, но моделируют социальные отношения в определенной среде [Давыдов 2015: 246]. Причем это социальные отношения не только между людьми, но человеком, ландшафтом и животными.

Кличка оленя как средство контроля перемещений стада

Не все олени в стаде имеют клички. Действительно, мне много раз приходилось слышать от информантов, что они «знают каждого оленя в лицо». Например, оленевод Георгий Аркадьевич Лекарев из деревни Холодная использовал именно слово «лицо», а не «морда»: «Это для приезжих они все выглядят одинаково. Но я вижу, что у них у всех лица разные». Кроме того, он говорил, что по взгляду оленя сразу может определить больное животное: «У больных оленей глаза какие-то грустные. Словно сказать что-то хотят» [Давыдов 2013: 36].

Каждое животное воспринимается оленеводами как личность, оно обладает индивидуальными особенностями характера и отличается от других оленей внешне. Клички получают, как правило, те олени, которые обладают отличительными внешними признаками.

Кличка оленя может отражать историю животного, оно может меняться в зависимости от возраста животного, от его функций, поведения. Важна также и масть животного. Белый олень может получить кличку Багдарин. Оленя темного цвета в Южной Якутии называли Караный (Черный) (от якутского *кара* — черный). Пегих оленей обычно называют Пеганый или Пегашка. Пятнистых оленей часто называют Бугды или Бугдиска.

Довольно часто олени получают клички, которые происходят от имен конкретных людей. На Севере Бурятии оленеводы говорили: «У нас тут в стаде вся Холодная!». Многие олени в стаде получали клички, совпадающие с именами жителей этой деревни из-за внешних сходств. Например, в двух стадах на Северном Байкале был олень Дядя Боря, его также называли Бич и Бичара по прозвищу знакомого оленевода человека. В стаде общины «Улуки» оленя называли так из-за особых изгибов рогов, которые напоминали местным жителям согнутые руки жителя заброшенного геологического поселка Перевал по имени Борис, у которого было прозвище Бич, поскольку он не имел своего собственного дома и после выхода из мест лишения свободы стал жить в оставленном геологами доме.

Также во многих эвенкийских стадах олень получает кличку по имени бывшего хозяина. Она, таким образом, может являться следствием процесса реципрокации. Оленеводы, посещая своих соседей, могут обмениваться животными. Обычно меняются быками, как говорят оленеводы, «для улучшения крови». Иногда меняют обученных верховых или нартенных передовиков. Также иногда оленей оставляют на время, чтобы их обучили. Например, у бригадира общины «Тяня» Григория Афанасьевича Курбалтунова в стаде был олень Славка, которого ему на время для обучения оставил оленевод из соседнего стада Вячеслав Павлов.

Имена могут отражать функции оленей, например, в одной из бригад поселка Тяня (Олекминский район, Якутия) был бык по кличке DVD. Прозвали его так, потому что летом он перевозил вьюк с DVD-дисками и портативным проигрывателем, служившим оленеводам средством проведения досуга.

Один из оленей общины «Тяня» в Якутии получил кличку Каннибал (Ганнибал), так как брал из рук оленеводов не только хлеб, но и мясо. Поскольку он постоянно ходил за людьми, подходил к палаткам, оленеводы в шутку говорили, что он «охотится за людьми». Подобные истории, связанные с конкретным животным, позволяют легче запомнить его и увидеть в стаде.

Важенка общины «Орон» на севере Бурятии являлась *баюнчуканом*, поэтому получила кличку Горбоносая, что говорило о происхождении от дикого оленя. Оленеводы старались следить за ней

особенно тщательно, поскольку считали, что она может уйти из стада вместе с дикими оленями. В Каларском районе Забайкальского края оленя с беспокойным характером назвали Баюн (эвенк. — «дикий олень»).

Кличка животного выполняет важную прагматическую функцию, она позволяет оленеводам запоминать конкретное животное и обмениваться информацией о его местонахождении с другими людьми. Когда кто-либо из оленеводов возвращается в лагерь, его часто спрашивают, видел ли он конкретных оленей. Обычно имена даются оленям-лидерам, которые водят стадо.

Знание конкретных животных и их кличек помогает оленеводам проводить ежедневный мониторинг животных, замечать их присутствие или отсутствие. Во многих случаях, когда оленеводы искали отбившиеся от стада группы, они старались вспомнить клички животных, которых не было в стаде. Собственно такое отсутствие и служит сигналом необходимости поиска, поскольку оленеводы не пересчитывают оленей каждый раз, а могут судить о неполноте стада по отсутствию хорошо знакомых им животных. Кличка, таким образом, выступает как прагматическое средство контроля перемещений стада.

Социальные отношения с хищниками

Отношения с хищниками также являются частью социальных отношений. Часто местные жители говорят не о хищниках вообще, а о конкретных животных, которые потенциально опасны для стада. Они зачастую знают конкретных медведей или волков, получают много информации о них, наблюдая их следы. Например, оленеводы Северобайкальского района Бурятии говорили не об абстрактных волках, а «волках, которые пришли с Чаи», «волчице с Выселок» и «волках из Иркутской области». Оленевод Георгий Аркадьевич Лекарев предположил, что уменьшение диких зверей в лесу связано с появлением волков, которые пришли в Бурятию с севера, спасаясь от пожаров: «По Холодной волков стало много. Зверья вообще не видать — разогнали все. Откуда-то они пришли. Горело где-то или чего ли?» [Давыдов 2013: 25] Таким образом,

местные жители могли идентифицировать конкретного хищника по следам и знали, откуда он пришел.

Оленеводы считают, что волк может соревноваться с человеком. Если волк нападает на стадо, это не означает, что он голоден. Согласно сведениям эвенков-олeneводо-в с севера Бурятии, часто бывает так, что «волк давит оленей и не ест. Потом опять давит и бросает». Причины, по их мнению, связаны с отношениями, сложившимися между хищником и людьми. Если олень был убит волком, люди его мясо в пищу не употребляют, но могут использовать мясо для кормления собак или как наживку при охоте на медведя.

Несмотря на то что хищники представляют опасность для стада, у оленеводов они пользуются большим уважением. Особым уважением у эвенков пользуется медведь. Недаром они его называют *амака* или *амикан*, что переводится как «дедушка». Кости добытого медведя нельзя разбрасывать, их складывают на специально построенный лабаз-помост (эвенк. *дэлыкен*) (рис. 11). Если добывают медведя, то обычно говорят: «Это не мы добыли, это русские добыли» для того, чтобы переложить вину за убийство почитаемого животного на других и не потерять охотничью удачу. Согласно информантам из поселка Тяня, иногда охотники вырезают на дереве личину и говорят: «Это не я убил, это он убил!». По словам информантов, делается это для того, чтобы переложить вину за убийство медведя на вырезанное изображение. Многие информанты знакомы с такой практикой, но говорят об этом неохотно, что как раз и свидетельствует о серьезном отношении современных эвенков к связанному с медведем обычаем.

О присутствии хищника могут судить по поведению стада. Если олени быстро разбегаются, это может означать, что их напугал волк или медведь. Оленеводы чувствительны к малейшим изменениям поведения оленей и быстро реагируют в случае опасности. Кроме того, присутствие медведя местные охотники замечают не только по следам и по перевернутым камням, но и по особому запаху.

По словам оленеводов, во время отела круговая городьба позволяет лучше обеспечить защиту стада от хищников. Весной оленеводы тщательно наблюдают за следами медведей, следят

Рис. 11. *Дэлькен* с костями медведя. Р. Верхний Сакукан. Каларский район, Забайкальский край. Весна 2014 г. Фото автора

за перемещениями хищников. Кроме того оленеводы устраивают на деревьях специальные засады-платформы (*сидьбы, лабазы*) с которых можно выслеживать медведей (рис. 12).

Рис. 12. Лабаз на дереве. Озера Амудисы, Каларский район, Забайкальский край, лето 2013 г. Фото автора

В Забайкалье для защиты стада от медведей места выпаса оленей обычно окружают серией ловушек-давилок из бревен и камней (рис. 13). Похожие давилки, но меньшего размера, используются

Рис. 13. Ловушка-давилка. Озера Амудисы, Каларский район, Забайкальский край, лето 2013 г. Фото автора

для защиты стада от росомых. На севере Бурятии на медведя охотятся с помощью петель из металлического троса (рис. 14) [Давыдов 2013: 26–27].

Рис. 14. Установка петли на медведя. Р. Номама, Северобайкальский район, Республика Бурятия. Лето 2012 г. Фото автора

Важно также обеспечить защиту домашних оленей от диких. В Южной Якутии осенью во время гона стадо держат в городьбе, постоянно осматривают и ремонтируют изгороди и отстреливают подходящих к стаду диких быков. Причем мясо диких быков, добытых в этот период, обычно в пищу не употребляют из-за специфического запаха.

Дикие быки в период гона могут поранить домашних оленей рогами, а также увести за собой важенок, и те могут «одичать» и не вернуться назад к человеку [Туголуков 1962: 82]. В случае ослабления наблюдения за стадом олени также могут теряться в лесу и «дичать» [Поворознюк 2011: 157]. Такая ситуация, по словам информантов, произошла со стадом в Уояне в СевероБайкальском районе республики Бурятия в постсоветский период, когда оленеводы перестали следить за стадом.

Важную роль в оленеводстве играет умение напугать оленей [Головнев и др. 2015: 79; Давыдов 2016: 199]. Делается это для того, чтобы стадо шло в нужном направлении или чтобы изменить направление движения оленей. Для этого оленеводы могут снимать куртки, бегать и махать ими перед оленями. Здесь очень важно уметь быстро перемещаться. По словам Ю.Ю. Мальчакитова, если оленевод движется перед стадом и трясет темным полотном или курткой, олени думают, что это медведь. Быстрыми движениями по направлению к стаду оленевод заставляет оленей двигаться в нужном ему направлении. Когда олени стоят на месте возле дымокуров или в загоне, наоборот, не следует делать резких движений, чтобы не напугать животных. Нужно перемещаться плавно. Некоторые оленеводы обычно разговаривают с оленями: по их словам, олени привыкают к голосу человека.

Архитектура является неотъемлемой частью отношений человека и хищников. Она может использоваться для контроля движений хищников, а также имитировать их черты с целью оградить перемещения стада в определенных направлениях.

В научной литературе «мимезис» (подражание) рассматривается как часть социальных отношений человека [Gebauer and Wulf 1995; Вульф 2009] или как человеческий способ коммуникации с животными и духами [Willerslev 2007]. Однако материальные объекты также могут создаваться с целью подражания живым существам. Например, эвенки Забайкалья и Южной Якутии специально устанавливают на дороге или вешают на изгороди куски темной материи или шкуру для того, чтобы олени боялись двигаться в определенных направлениях, принимая подобное «пугало» за хищника. По словам оленеводов, олени боятся темных предметов и стараются избегать их.

Например, весной 2013 г. оленеводы из деревни Тяня в Олекминском районе Якутии установили на буранном следе растянутый на шестах кусок черной ткани, который шевелился на ветру. Поскольку олени часто бегают именно по местам, где прошел буран, так как там более плотный снег и они не проваливаются, оленеводы перекрыли им дорогу с помощью такого нехитрого приспособления. Также к заборам оленеводы могут прикреплять

полиэтиленовые пакеты или ленту от видеокассет, чтобы они шевелились на ветру. Подобные «миметические» объекты специально используются оленеводами для того, чтобы ограничить движения животных. Такие приспособления способны удерживать стадо на огороженной территории некоторое время. Но когда животные начинают уходить, ломать городьбу ил перепрыгивать через нее, люди обычно принимают решение кочевать на другое место.

Изгороди также ограничивают движения хищников и диких оленей. Хищники могут бояться изгородей, особенно если они расположены неподалеку от жилищ [Чарнолуцкий 1931: 30]. Защита оленей от хищников — ежедневная задача оленеводов и их собак. Если проанализировать пространственное расположение собачьих будок на стоянках, то можно увидеть, что они специально устанавливаются таким образом, чтобы собакам было легче предупредить об опасности. Собак на стоянках держат на привязи, обычно будки для них ставят в местах с хорошим обзором. Лай собаки может являться сигналом опасности. Причем будки обычно расположены таким образом, чтобы одна собака видела другую. Как только одна из собак залает, другие обычно подхватывают лай, обращая на себя внимание человека.

Если потери оленей начинают возрастать, оленеводы часто предпочитают перекочевать в другое место. Северобайкальские эвенки в советский период в таких случаях перегоняли стадо в долины соседних рек. Важную роль здесь также играет знание мест обитания хищников, их психологии и паттернов мобильности. Некоторые места часто посещаются хищниками. Например, информанты из общины «Тяня» в Южной Якутии рассказывали, что медведь любит навещать места старых стоянок. По их словам, медведя могут привлекать старые рога оленя, особенно если хищнику не хватает кальция. Медведи также могут разрушать постройки.

Неверным будет суждение о том, что постройки в тайге обозначают символическую границу между животным миром и человеком. Скорее наоборот, они помогают поддерживать близкие и доверительные отношения между человеком, «личностями нечеловеческой природы» (other than human persons) [Hallowell 1960] и ландшафтом.

Таким образом, архитектура-в-ландшафте становится частью взаимоотношений между людьми, дикими и домашними оленями, хищниками, где каждый из субъектов взаимодействия влияет друг на друга и где «приближенность» и «отдаленность» животного от человека постоянно изменяется.

Заключение

Социальные отношения — это не отношения в замкнутом пространстве, они всегда происходят в контексте перемещений людей и животных по ландшафту. У этих отношений всегда есть динамика. В этом смысле одомашнивание оленя — это всегда процесс, а не раз и навсегда заданное состояние. Можно говорить о степени приручения животного, которая меняется благодаря ежедневным усилиям оленеводов. Это и постоянные перемещения, сбор стад в определенных местах, подкармливание солью, создание комфортных условий для животных (навесы, дымокуры). Именно с помощью постоянных усилий оленеводов, включающих обучение и использование архитектуры, животные привыкают быть рядом с человеком.

Отношения человека и оленя являются «встроенными» в местный ландшафт: одомашнивание всегда происходит в контексте определенных мест, через которые передвигаются люди и животные, а не только в загонах рядом с местом стоянки. Этот процесс происходит в контексте постоянных совместных перемещений человека и животных между интенсивно используемыми местами и может рассматриваться как «одомашнивание-на-практике» или «одомашнивание-в-движении».

В государственных организациях (совхозы, колхозы) вводились различные режимы одомашнивания, которые сопровождались рационализацией труда и строительством специальных изгородей. Эвенки-олeneводы приспособились работать с этими нововведениями и адаптировали их для своих повседневных задач. Постройки могут использоваться для либо ограничения, либо направления движений, но они не концентрируются в каком-то одном месте, а распределяются на большой по площади территории, причем

постройки не следует анализировать отдельно от окружающего их ландшафта. Как постройки, так и ландшафт играют большую роль в процессе доместикации. Доместикация — это процесс, который связан с отношениями множества социальных агентов, в рамках которого постоянно меняется интенсивность отношений человека и животного.

Доместикация подразумевает постоянное переопределение расплывчатой границы между «диким» и «домашним». Используемые в данном процессе постройки призваны «приблизить» животных к человеку. В этом смысле одомашнивание животного — это не свершившийся в прошлом факт, но продолжающийся в настоящее время процесс, который связан с постоянным воспроизводством целого набора социальных отношений между людьми, животными, ландшафтом и постройками.

Библиография

- Богораз В.Г.* Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991. 224 с.
- Бурдье П.* Социальное пространство и символическая власть // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. № 2. С. 137–150.
- Василевич Г.М.* Угдан — жилище Яблонового и Станового хребтов // Известия всесоюзного географического общества. 1950. № 82 (2). С. 30–39.
- Василевич Г.М.* Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
- Вульф К.* К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. СПб.: Интерсоцис, 2009. 164 с.
- Головнёв А.В., Перевалова Е.В., Абрамов И.В., Куканов Д.А., Рогова А.С., Усенюк С. Г.* Кочевники Арктики: текстово-визуальные миниатюры. Екатеринбург: Типография «Альфа Принт», 2015. 132 с.
- Давыдов В.Н.* Борьба с хищниками и повседневные практики современных оленеводов: отношения человека и животных на Северном Байкале (по результатам полевых исследований 2007–2012 гг.) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН / Ред. Е.Г. Федорова. СПб.: МАЭ РАН, 2013, Вып. 13. С. 23–42.
- Давыдов В.Н.* Архитектура доместикации: отношения человека, животных и ландшафта в Забайкалье // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современ-

- ности: методология, методика и практики исследования: Программа и тезисы. Томск: Издательство Томского университета. 2014 а. С. 26–27.
- Давыдов В.Н.* Исследование отношений человека и оленя в Южной Якутии // *Материалы полевых исследований МАЭ РАН / Отв. ред. Е.Г. Федорова.* СПб.: МАЭ РАН, 2014 б, Вып. 14. С. 95–117.
- Давыдов В.Н.* От дикого к домашнему: стратегии domestикации оленя в Северном Забайкалье // *Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов.* СПб.: МАЭ РАН, 2014 с. С. 365–371.
- Давыдов 2015 — Давыдов В. Н.* Ход конем: шахматы у эвенков-оленьеводов Северного Байкала и Прибайкалья // *Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов,* СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 241–246.
- Давыдов В.Н.* Ветер в эвенкийских ландшафтах Северного Байкала и Забайкалья // *Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов.* СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 198–202.
- Давыдова Е.А., Давыдов В.Н.* Проблема domestикации северного оленя на Чукотке по материалам В.Г. Богораза (к 150-летию со дня рождения) // *Научное мнение.* 2015. № 11. С. 22–28.
- Кишкинцев В.* Олень в Чумиканском районе // *Охотник.* 1929. № 8. С. 17.
- Миддендорф А.Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 2. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отд. 6. Коренные жители Сибири. (Окончание всего сочинения). СПб.: Изд-во Импер. акад. наук, 1878. III с. С. 619–833.
- Поворознюк О.А.* Забайкальские эвенки: социально-экономические и культурные трансформации в XX–XXI веках. М.: ИЭА РСН, 2011. 350 с.
- Сирина А.А.* Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Наука, 2012. 604 с.
- Соколова З.П.* Жилище народов Сибири (Опыт типологии). М.: Три Л, 1998. 284 с.
- Туголуков В.А.* Витимо-олекминские эвенки: очерки истории // *Сибирский этнографический сборник.* М., 1962. С. 67–97. (ТИЭ. Новая серия. Т. 78).
- Туров М.Г.* Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX — начале XX века: Принципы освоения угодий. Иркутск: Издательство ИГУ, 1990. 176 с.
- Чарнолуцкий В. В.* Оленья изгородь / Оленеводческая экспедиция Государственного русского географического общества. М.; Л.: Огиз — Государ-

ственное издательство сельскохозяйственной и колхозно-кооперативной литературы, 1931. 32 с.

- Anderson D.G.* Home, Hearth and Household in the Circumpolar North // About the Hearth: Perspectives on the Home, Hearth and Household in the Circumpolar North / Ed. by D.G. Anderson, R.P. Wishart and V. Vaté, 2013. P. 262–282.
- Anderson D.G.* Reindeer, caribou and ‘fairy stories’ of state power // Cultivating Arctic Landscapes: Knowing and Managing Animals in the Circumpolar North / Ed. by D.G. Anderson & M. Nuttall. Oxford: Berghahn Books, 2004. P. 1–16.
- Anderson D.G., Ineshin E.M., Kulagina N.V., Lavento M. and Vinkovskaya O.P.* Landscape Agency and Evenki-Iakut Reindeer Husbandry Along the Zhuia River, Eastern Siberia // Human Ecology. 2014. Vol. 42, No. 2. P. 249–266.
- Bird-David N.* The Giving Environment: Another Perspective on the Economic System of Gatherer-hunters // Current Anthropology. 1990. Vol. 31. P. 189–196.
- Blaser M., Feit H., McRae G.* (Eds.) In the Way of Development: Indigenous Peoples, Life Projects and Globalisation. L.: Zed Press, 2014. 384 p.
- Brandišauskas D.* Leaving Footprints in the Taiga: Enacted and Emplaced Power and Luck among Orochen-Evenki of the Zabaikal Region in East Siberia. Dissertation submitted to the University of Aberdeen for the degree of Doctor of Philosophy in the School of Social Sciences, College of Arts and Social Sciences, Department of Anthropology. 2009. 312 p.
- Brandišauskas D.* Making a Home in the Taiga: Movements, Paths and Signs among Orochen-Evenki Hunters and Herders of Zabaikal Krai (South East Siberia) // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2012. Vol. 6, No. 1. P. 9–25.
- Davydov V.N.* Coming Back to the Same Places: The Ethnography of Human-Reindeer Relations in the Northern Baikal Region // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2014. Vol. 8, No. 2. P. 7–32.
- Gebauer G. and Wulf C.* Mimesis: Culture, Art, Society. Chicago: University of California Press, 1995. 400 p.
- Fossier C. and Marchina C.* Study of Human-Animal Interactions in Siberian Pastoral Systems via GIS (Geographic Information Systems) // Сибирский сборник — 4. Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры / Отв. ред. В.Н. Давыдов, Д.В. Арзютов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 613–625.
- Hallowell A.I.* Ojibwa Ontology, Behavior and World View / Ed. by S. Diamond // Culture in History: Essays in Honor of Paul Radin. N.Y.: Columbia University Press, 1960. P. 17–49.

- Hamayon R.N.* The Three Duties of Good Fortune: 'Luck' as a Relational Process among Hunting Peoples of the Siberian Forest in Pre-Soviet Times // *Social Analysis*. 2012. Vol. 56, No. 1. P. 99–116.
- Ingold T.* The temporality of the landscape // *World archaeology*. 1993. Vol. 2, No. 25. P. 152–174.
- Ingold T.* From Trust to Domination: An Alternative History of Human-Animal Relations // *Animals and Human Society: Changing Perspectives* / A. Manning and J. Serpell (eds). L., 1994. P. 1–22.
- Ingold T.* Footprints through the weather-world: walking breathing, knowing // *Journal of the Royal Anthropological Institute* Vol. 16, No. 1, 2010. P. 121–139.
- Istomin K.V., Dwyer M.J.* Dynamic Mutual Adaptation: Human-Animal Interaction in Reindeer Herding Pastoralism // *Human Ecology*. 2010. № 38. P. 613–623.
- Kopytoff I.* The Cultural Biography of Things: Commodification as Process / A. Appadurai (ed.) // *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 64–91.
- Safonova T., I. Sántha* Culture Contact in Evenki Land. A Cybernetic Anthropology of the Baikal Region. Leiden; Boston: Global Oriental, Inner Asia Series. 2013. 196 p.
- Shirokogoroff S. M.* Social Organization of the Northern Tungus (with introductory chapters concerning geographical distribution and history of these groups). Shanghai: The Commercial Press, 1929. 427 p.
- Stépanoff C.* Human-animal "Joint Commitment" in a Reindeer Herding System // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2012. Vol. 2. №. 2. P. 293–294.
- Stépanoff C., Marchina C., Fossier C., N. Bureau.* Animal Autonomy and Intermittent Coexistences: North Asian Modes of Herding // *Current Anthropology*. 2017. Vol. 58., No 1. P. 57–81.
- Vitebsky P.* Reindeer People: Living with Animals and Spirits in Siberia. L.: Harper Perennial, 2005. 408 p.
- Willerslev R.* Soul hunters: Hunting, animism, and personhood among the Siberian Yukaghirs. Berkeley: University of California Press, 2007. 235 p.